

ГРАФ ОСТРОВА АЛЕНТИНО

Бийца драконов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Граф Валентино Убийца Драконов

<https://litres.ru/74616122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отец продал меня за горсть монет. Тогда я ещё не знал, что человека можно продать так же легко, как скотину.

Так я оказался на драконьей ферме, где крылатых великанов выращивали для королевских войн. Здесь всё имело свою цену: корм, труд, верность и даже жизнь. Сильным предназначались небеса и поля сражений, слабым — забойник. А я был всего лишь мальчишкой, чья судьба больше ему не принадлежала.

Но именно здесь я встретил Байру — драконицу, которой с самого рождения не оставили надежды на будущее. Мы оба были чужой собственностью. И, пожалуй, потому я впервые почувствовал, что в этом огромном мире у меня появился кто-то по-настоящему близкий.

Я поклялся, что не позволю её погубить.

Только я ещё не понимал, что в мире, где продаётся всё, даже за чудо приходится платить. И порой цена оказывается страшнее самой смерти.

Мне предстояло пройти через войны, предательство и потери, узнать, на что способен человек ради того, кого любит, и однажды самому стать тем, кого я прежде ненавидел.

Граф острова Валентино Убийца Драконов

Глава 1. Собственность

Глава 1. Собственность

Глиняный кувшин с грохотом влетел в стену избы. Осколки брызнули в стороны, а разлившаяся талая вода тонкой прозрачной плёнкой поползла по потемневшему срубу.

— Ты... Ненавижу тебя!

— Дура-баба!

— Родного сына продаёшь! Мою кровиночку! За горсть монет, которые пропьёшь за несколько зим!

— Это единственный выход! Иначе все с голоду передохнем!

— Дурак был мой батенька, что отдал за тебя, пьяницу!

— Я о семье думаю, сука ты неблагодарная!

— Всеми богами тебя молю, не отдавай сына!

— Окаянная баба! На дочь-то погляди — одни кости остались, скоро сквозь кожу полезут! Чем мне её кормить прикажешь? Твоими молитвами?!

Я сидел на печи и ничего не понимал. Для меня эти слова были просто громкими звуками, которые взрослые бросали друг в друга, как я бросал снежки в сестрицу, когда хотел её

немного позлить, попутно приговаривая ей всякие гадости.

Мать бросилась ко мне.

— Сыночек... никому не отдам тебя.

Она крепко прижала меня к себе. Быть может, хотела сказать что-то ещё, но отец не дал ей договорить.

Он схватил её за огненно-красные волосы — те самые, к которым мы с сестрицей каждую осень прикладывали опавшие листья, стараясь отыскать среди них хоть один такого же цвета. Мы находили жёлтые, багряные, медные, но ни один не казался нам таким красивым, как мамины пряди. Мне всегда чудилось, что в её волосах живут настоящие язычки пламени — только добрые, не жгучие, от которых становилось тепло. Я ещё не успел как следует спрятать лицо в этом потоке ласковых огоньков, как отец яростно рванул маму за волосы. Она отлетела назад, ударилась спиной о край стола и рухнула на колени. До сих пор помню её слёзы. Они бежали по щекам из опухших глаз, под одним из которых уже наливался свежий ушиб.

В дальнем углу, между стеной и сундуком, сестрица свернулась, поджав колени к груди. Ладонями она зажала уши и так крепко зажмурилась, что между бровями пролегла глубокая складка, которой и вовсе не место на детском лице. Плечи её мелко дрожали, но она не плакала, не издавала ни звука, стараясь не привлечь к себе внимания главы нашего семейства.

На мгновение она всё же приоткрыла свои невинные гла-

зѣнки и посмотрела на меня. В них читался не столько детский ужас, сколько беззащитное недоумение. Я заставил себя улыбнуться ей — той самой улыбкой, которой прежде удавалось утешить её после всякой детской обиды, — стараясь безмолвно уверить её, что всё непременно обойдётся.

Иногда я думаю: вот если бы тогда я мог что-нибудь сделать... Хотя нет. Не мог. Поганный папаша и меня бы поколотил.

— Вставай, Роберт. Ты уходишь, — холодно произнёс он.

Услышав его приказ, мать попыталась воспротивиться. Упёршись ладонями в пол, она с трудом поднялась на колени и рванулась к отцу. Пальцы её судорожно вцепились в его рукав. Она пыталась удержать его — а вместе с ним и меня. Отец опустил взгляд на её пальцы, стиснувшие ткань, и лицо его исказилось не столько от ярости, сколько от оскорблённого самолюбия. Он резко вырвал руку, ударил её по лицу, схватил за шею и швырнул обратно на пол. Вся его злоба обратилась на мать, и, кажется, сильнее всего его бесило не само сопротивление, а то, что она, избитая, униженная, едва сумевшая подняться с пола, всё ещё находила в себе силы ему перечить.

Не помню, сколько мне тогда было лет. Наверное, около шести. Но сама сцена отпечаталась в памяти навсегда.

Некоторые воспоминания со временем потускнели, как тускнеют гербы давно разорившихся родов. Но это воспоминание почему-то время не тронуло. Оно осталось во мне та-

ким же ярким — я бы даже сказал, мучительно живым, — как будто всё произошло не много лет назад, а только вчера.

Стоит мне закрыть глаза — и я снова вижу ту избу. Побитую мамку, её волосы, спутанные отцовской рукой, сестрицу, ютившуюся в страхе за сундуком, и мешочек с деньгами — жалкую цену, за которую отец продал меня и мог бы пить ещё не одну зиму.

Папаша мой всегда любил пускать в ход кулаки против членов нашей семьи, но в тот раз особенно настойчиво принялся колотить мать. Бил снова и снова, оставляя на ней новые отметины, в очередной раз вбивая в неё простую истину: главе семейства перечить нельзя.

Теперь, спустя годы, я иногда задаюсь вопросом: а если глава семейства — хмельная свинья, которая ни на что не годится? Должны ли младшие всё равно ему подчиняться?

Поганые боги вроде Фертила у не менее поганных северян отвечают на этот вопрос просто: да. Должны. Что ж, мне ещё доведётся поспорить с ними об этой истине...

Удар за ударом — и мать перестала сопротивляться. Не знаю, потеряла ли она сознание или просто поняла, что сопротивляться бессмысленно. Отец тяжело дышал. Потом подошёл ко мне. Я хорошо помню его лицо.

Чуть растрёпанная борода. Засаленные волосы. Один глаз слегка косил. А на лице застыло выражение человека, совершенно довольного собой, — великого героя, только что победившего женщину. Ни вины, ни стыда в его глазах — толь-

ко предвкушение сытой жизни за мой счёт.

Он стащил меня с печи, небрежно, как дезертиры выволакивают из крестьянских изб девок, вымещая на них злобу за проигранную битву. Я рухнул на пол. Папаша схватил меня за локоть и потащил к выходу. Дверь распахнулась, впуская в избу зимний ветер. Он выстудил не только стены нашего убогого жилища, но и последнюю надежду, ещё теплившуюся в моей детской душе. Даже огоньки маминых волос, прежде согревавшие меня лучше всякого очага, окончательно погасли в мутной пелене моих слёз, словно зимний холод сумел задуть и то единственное тепло, которое ещё оставалось мне в этом мире.

У самого порога, прислонившись спиной к потемневшему срубу, стоял незнакомый мужчина — тот самый, что передал отцу мешочек с деньгами. Он терпеливо дожидался, когда ему отдадут купленное, с той будничной невозмутимостью, с какой покупатель ожидает у дверей торговой лавки выдачи оплаченного товара. Одет он был дорого — по крайней мере, по меркам нашей деревни. Чёрный камзол с жёлтой вышивкой, штаны, заправленные в добротные рабочие сапоги. На левом плече красовалась нашивка, выполненная золотыми мановыми нитями. На нашивке был изображён человек, обеими руками поднимавший над головой драконьи яйца. Держал он их так, словно показывал товар на базаре — точь-в-точь как купцы, старающиеся заманить покупателя, ослепив его блеском обещаний и уверив, будто именно в этой редкой

и драгоценной вещице заключено его счастье.

Незнакомец схватил меня за ворот старенькой крестьянской рубашки и вывел из дома. У самой двери он остановился и обернулся.

— Башмаки у парня есть? Барону нужен слуга, а не калека с обмороженными ногами.

— Только лапти...

— А одеть его потеплее найдётся во что?

— Я продавал мальчишку, а не одежду! — огрызнулся отец.

Мужчина ничего не ответил. Лишь достал из кармана монету и, положив её на согнутый указательный палец, щелчком большого пальца отправил в сторону отца.

Тот поймал её с удивительной для пьяного человека ловкостью. Недовольство с его лица не исчезло, но монета тотчас перекочевала в карман. Лишь после этого отец неохотно покосился на лавку, где лежали мой старенький овчинный полушубок и шерстяная шапка.

Помню, мать ещё прошлой осенью латала на нём прорехи, старательно подбирая нитки под цвет выцветшей овчины. Особенно долго она возилась с рукавами, из которых я уже начинал вырастать.

— Вон его одежонка. Забирай.

Незнакомец молча взял полушубок и принялся меня одевать. Подпоясал, расправил воротник, натянул шапку до самых бровей. Потом взглянул на мои ноги, снова на меня и,

не проронив ни слова, поднял меня и усадил себе на плечи. Всё это он проделал с таким деловитым спокойствием, с каким собирают в дорогу не ребёнка, а обыкновенную поклажу. Затем повернулся и пошёл прочь, не дав мне даже толком попрощаться ни с мамкой, ни с сестрицей. Впрочем, какое уж тут прощание? Разве спрашивают у проданной вещи, с кем она желает расстаться?

Я принялся отчаянно сопротивляться. Из всех сил бил незнакомца маленькими кулачками, дёргал за волосы, извивался, пытаюсь вырваться из его крепких рук. Но всё было тщетно. Слёзы всё сильнее застилали глаза, и родной сруб расплывался передо мной в белёсом зимнем свете.

— Мама! Мамка, я домой хочу! Отпусти меня! — кричал я, захлёбываясь слезами. — Сестрёнка! Айра!

Мать не выходила. Отец стоял у дома и смотрел нам вслед. А я отчаянно сопротивлялся. Я был уверен: если сумею задержаться здесь ещё хотя бы на одно мгновение, то всё каким-то чудом изменится.

Мужчина стащил меня с плеч и бросил в снег. Затем открутил крышку фляжки с выгравированным на ней драконом, разжал мне рот и капнул в него содержимое. Жидкость едва коснулась нёба, а в голове уже начал разливаться густой туман. Я даже не сделал настоящего глотка — словно только понюхал.

Мужчина снова посадил меня себе на плечи. Затуманенным разумом я опять схватил его за волосы, но теперь уже

не хотел рвать их. Злость, обида, страх, непонимание — всё это ещё пыталось пробиться наружу, но начинало вязнуть в чём-то мягком и тёплом.

Я собрал остатки воли. Напоследок мне нужно было дать обещание. Я повернул голову к дому.

— Свейн! Я вернусь! И убью тебя! Обещаю!

Отец ничего не ответил. Он был слишком пьян, чтобы хотя бы разобрать мои крики. Всего одна капля странного снадобья из фляги незнакомца уже разлилась по телу тяжёлым оцепенением: руки и ноги перестали мне принадлежать. И всё же я нашёл в себе силы повернуть голову к дому — с той последней, безрассудной надеждой, какая бывает лишь у детей, ещё не научившихся верить в непоправимое.

— Айра, сестрёнка, береги мать. Я вернусь!

В дверном проёме показалась мать. Она держалась за косяк, пытаясь выбраться наружу, но отец тут же схватил её и толкнул обратно в хату. На мгновение в распахнутой двери мелькнуло её лицо — заплаканное, разбитое, всё ещё обращённое ко мне. Потом отец захлопнул дверь, одним этим движением навеки загородив меня от всего, что до той минуты я называл своим домом.

Я хотел вымолвить ещё что-нибудь, но незнакомец поднял руку и дал мне подзатыльник. После этого пошёл по дороге, ведущей через деревню.

— Итак, слушай правила, пацан.

Я молчал.

— Говоришь только тогда, когда к тебе обращаются. Хочешь что-нибудь спросить — подними руку. Твой папаша — свинья, спору нет. Но теперь ты действительно наша собственность.

— Мама... сестрица...

Я бормотал их имена себе под нос, почти в бреду. Мужчина продолжал:

— Барон — строгий человек, но не изверг. Будешь работать — будут еда, кров и одежда. Подрастёшь — и жениться разрешат. Там перед тобой вся жизнь откроется. Не то что здесь, в этой деревушке, где человеку и мечтать не о чем. Но если посмеешь пренебречь добротой господина, украдёшь что-нибудь, обманешь или сделаешь ещё какую глупость — тебя повесят. Говорю как есть.

— Повесят... повесят... А Свейна нельзя повесить? — шёпотом приговаривал я.

— Ты понял?

— Понял.

— Имя?

— Роберт.

Не помню точно, почему, но я сразу усвоил: с этим человеком лучше не шутить. Тревога понемногу отступала, а проклятая капелька всё сильнее дурманила голову. И всё же любопытство оказалось крепче страха. Я осторожно поднял руку. Мужчина посмотрел на неё.

— Говори.

— А как твоё имя?

— Моё имя Арпо.

Я немного подумал.

— Ты воин?

— Я офицер, драккар. У пехоты вроде сержанта, только у нас звания свои. Мы едем на драконью ферму. Я отвечаю за людей на ней.

Я не понял почти ничего. Офицер, сержант, драккар — слова были разные, а смысл у них, казалось, одинаковый: один может приказать, другой обязан подчиниться. В деревне это было бы вроде старосты, десятника и приказчика — попробуй разберись, кто из них важнее, если все трое привыкли говорить с тобой свысока.

Я снова поднял руку. Арпо посмотрел на меня.

— Больше руку поднимать пока нельзя.

Я послушно опустил её. Несколько мгновений мы шли молча. Но вопрос уже сидел во мне и никак не желал уходить.

— Последний вопрос, пожалуйста.

Арпо тяжело вздохнул.

— Хочешь подзатыльник?

— Нет.

— Тогда молчи.

— Пожалуйста, дядя, последний вопрос...

Он снова вздохнул.

— Ладно. Последний.

Я набрался смелости.

— А если я не хочу работать на драконьей ферме?

— Тебя не спрашивают, хочешь ты или нет.

Я замолчал. Наверное, именно тогда впервые узнал простую вещь, которую потом жизнь повторяла мне ещё много раз: желания человека имеют значение только тогда, когда у него есть сила заставить остальных с ними считаться. Через несколько секунд Арпо всё же добавил:

— Но и издеваться над тобой никто не будет. Если будешь хоть немного стараться.

Мы прошли мимо нескольких домов. Стоило Арпо появиться на улице, как деревня словно втягивала голову в плечи: двери одна за другой захлопывались, ставни закрывались, лица исчезали из окон. Кто-то отворачивался, приотворяясь, будто не замечает нас, другие поспешно захлопывали двери. И лишь изредка в узких оконцах мелькали человеческие лица, но стоило мне встретиться с ними взглядом, как они тотчас исчезали, словно чужое несчастье было чем-то постыдным.

На окраине избы поредели, и дорога вывела нас в редкий сосняк. Снег хрустел под ногами Арпо. Впереди деревья постепенно редели, и среди заснеженных сосен показалась какая-то тёмная громада. Сперва я принял её за одинокую избу и даже удивился, кому вздумалось поселиться в такой глуши. Но когда мы вышли на опушку, изба вдруг шевельнулась и тяжело вздохнула, выпустив в морозный воздух густое облако пара.

Перед нами сидел дракон — огромный, покрытый густой коричневой чешуёй. В редких пятнах холодного солнечного света она переливалась всеми оттенками коричневого — от янтарного до цвета мокрой древесины, напоминая доски старого корабля, густо пропитанные смолой. Дракон прикрыл глаза и дремал, терпеливо ожидая возвращения хозяина. Арпо поднял ладонь, приветствуя его, и спокойно сказал:

— Трейдан, я вернулся.

Лишь много позже я узнал, что во фляге с выгравированным драконом хранился отвар для умиротворения драконьего нрава. Всего одна капля этого снадобья до той минуты притупляла мою тревогу после разлуки с матерью, но стоило мне увидеть перед собой эту громадину, как чудодейственная сила отвара, казалось, разом иссякла. Примерно так же с отца выветривалось вино, после чего тот становился злым, как диковолчица в период вязки.

Я застыл, внезапно уверившись, что Арпо всё это время мне лгал и привёл меня сюда не на ферму, а прямо на корм дракону. Я задёргался, пытаюсь прыгнуть с его плеч.

— Спокойно, Роберт. Угомонись.

— Он меня съест!

— Он сытый. Недавно поел. Угомонись, или сейчас поколочу тебя.

Меня трясло. Но быть поколоченным мне тоже не хотелось.

Арпо снял с себя меховую накидку и укутал меня.

— Обморожения нам не нужны. Полетим быстро.

Я осторожно выглянул из-под меха. Дракон сидел неподвижно.

— Запоминай, — продолжил Арпо. — На высоте холодно. Даже летом, когда цветёт лучка, там можно замёрзнуть. Дракону всё равно: у него толстая шкура и чешуя. Человеку — нет.

Он остановился. Зимний рассвет нехотя пробивался сквозь заснеженные кроны сосен, окрашивая опушку в холодные голубоватые тона. У самой земли лениво клубился лёгкий туман, обвивая могучие лапы Трейдана. Дракон медленно приоткрыл глаза.

Змеиные. Жёлтые, с узкими вертикальными зрачками. В них не было ни злости, ни любопытства — только холодное внимание существа, которое привыкло видеть мир сверху. Трейдан спокойно смотрел на меня, и от этого спокойствия мне становилось ещё страшнее, чем от любого рыка.

Он посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на Арпо. Медленно наклонил к нему голову и замер в безмолвном ожидании. Арпо подошёл ближе и прижался лбом к его широкой чешуйчатой голове. Дракон не отстранился. Только прикрыл глаза, будто это прикосновение успокаивало его.

Я смотрел на них, не веря собственным глазам. Разве северный медведь может стать человеку другом? Я бы в такое не поверил. А дракон был куда страшнее и смертоноснее любого медведя. И всё же это огромное чудовище, способное

проглотить меня целиком и даже не подавиться, принимало ласку от человека.

Арпо отстранился и проверил седло.

— Запоминай. Прежде чем взлететь, нужно натянуть поводья с усилием, чтобы он чувствовал команду, но при этом не испытывал боли. Подробнее позже.

Он повернулся ко мне.

— Трейдан, поддержи его.

Я не сразу понял, к кому он обращается. Дракон качнул головой и приоткрыл пасть. Внутри блеснули белые зубы, теснившиеся в несколько рядов. Они казались мне не зубами, а маленькими клинками. И тут меня посетила мысль, от которой холод пробежал по спине: этому чудовищу вовсе не обязательно было желать мне зла, чтобы погубить. Достаточно одного неосторожного движения, одной прихоти — и вся моя коротенькая жизнь оборвалась бы прежде, чем я успел бы понять, что произошло.

После этого я уже не сомневался: меня собирались съесть. Но Трейдан лишь осторожно прихватил меня губами.

— А-а-а-а!

— Ты говорил, что он сытый!

— Замолчи, Роберт. Помнишь правила? Если к тебе не обращаются — молчишь. Он не будет тебя есть. Повторяю в последний раз.

Арпо тем временем совершенно невозмутимо забрался в драконье седло и закрепил себя широкими ремнями из

незнакомому мне тогда материала — тёмного, плотного, чуть лоснящегося, точно живого. Они плотно охватывали его бёдра и скреплялись спереди железной застёжкой с короткой чекой: стоило лишь дёрнуть за кожаную петлю — и крепление размыкалось. Арпо поочерёдно подёргал ремни, проверяя их прочность, и только потом посмотрел на меня.

Я замер. Дыхание застряло в груди, а сердце колотилось, изображая стук узника в запертую дверь, отчаянно отказывающегося смириться со своим роком.

— Трейдан. Давай.

Дракон повернул голову. Двигался он с удивительной осторожностью. Качнув могучей шеей, он аккуратно передал меня в руки Арпо. Я оказался у него на коленях. Арпо пропустил последний ремень вокруг моей талии и затянул пряжку, закрепив меня перед собой. Затем одной рукой взял поводья, а другой подхватил меня под живот, не давая соскользнуть с седла. Выпрямившись, он приказал сухим офицерским голосом:

— Трейдан, воздух!

Потом был удар крыльев. Ещё один. Воздух загудел, оглушив меня на мгновение. И мы взмыли в небо.

Земля начала стремительно отдаляться. Напоследок я зацепился взглядом за нашу избу. С высоты она казалась крошечным срубом, затерянным среди снегов. Рядом алело маленькое красное пятнышко — мамины огненные волосы. Значит, она всё-таки сумела вырваться из дома. Быть может,

бросилась вслед за Арпо, надеясь вернуть ему проклятый мешочек с деньгами — до последней монеты, даже той жалкой медяшки, которую отец выторговал за мою старенькую одежду. Но скотина, которую я тогда ещё считал своим отцом, видно, настигла её и снова избила. Теперь мать лежала распростёртая на снегу, а он стоял рядом и неподвижно смотрел на неё.

Я хотел закричать, позвать её, но слова застряли в гортани. Дракон всё набирал высоту, а изба, мать и Свейн становились всё меньше, пока окончательно не затерялись среди снегов.

На этом воспоминание моё обрывается. Не знаю, сколько я пробыл в забытии — несколько мгновений или добрый час. Помню лишь, что, вновь открыв глаза, я не сразу поверил тому, что увидел.

В глаза мне хлынуло сияние небес, и я невольно зажмурился, страшась увидеть, насколько огромен мир, в который меня уносили. Далеко внизу расстилались бескрайние заснеженные поля, леса казались тёмными полосами, а дороги — тоненькими нитями, терявшимися где-то за горизонтом. Лишь тогда я впервые по-настоящему осознал, насколько маленьким был наш мир.

Первый полёт, наверное, невозможно забыть. Думаю, даже дряхлый старик, который в молодости был драконьим всадником, перед самой смертью хотя бы на мгновение снова видит тот самый первый пейзаж. Потому что только один раз

в жизни человек узнаёт, что земля, которую он всю жизнь считал огромной, сверху уместается в одной ладони.

Я старался рассмотреть каждый клочок земли. Но подлая капелюшка снадобья всё же брала своё. Я сопротивлялся ей до последнего, упрямо цепляясь за каждое мгновение первого полёта. Веки наливались драксовой тяжестью и против моей воли опускались. Я с каким-то отчаянным упрямством заставлял себя вновь и вновь открывать глаза, думая, что стоит мне хоть на мгновение уступить сну — и весь этот необъятный мир, едва успевший раскрыться передо мной, исчезнет навсегда.

Я снова открыл глаза. Огромное крыло Трейдана мерно поднималось и опадало, беспощадно бичуя воздушные потоки. Каждый взмах отдавался в голове оглушительным хлопком — точно тысяча плетей разом секла спины рабов, осмелившихся воспротивиться воле своих господ.

Я пытался осмыслить случившееся, но лицо Свейна застыло статуей в моей памяти, заслоняя собой поразительную красоту нашего мира. Я снова и снова повторял про себя данное ему обещание, то веря в собственные слова, то пугаясь их, уверяя себя, что всё произошедшее — не более чем дурной сон. Вот проснусь я на печи, услышу мамкин голос, увижу сестрицу — и всё опять станет как прежде. Но подо мной была не тёплая печь, а холодная кожа седла, а поперёк живота лежал чужой ремень, затянутый с той особенной заботливостью, какую проявляют к вещам, за которые уже запла-

чено. Я закрывал глаза, открывал их снова, но действительность оставалась неизменной. И страшнее всего было то, что маленькому мальчишке пришлось поверить в правду, которой он всеми силами своей невинной души желал не верить.

Отвар всё-таки победил — на этот раз веки уже не поднялись, и я провалился в сон, унося с собой последний образ: белый мир и тёмное крыло рядом.